

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ — МИФОЛОГЕМА ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

ELECTRONIC JUSTICE — MYTHOLOGEME OF DIGITAL REALITY OF CRIMINAL PROCEDURE LAW OF RUSSIA

**N. Kovtun
A. Yunusov
D. Tumanov**

Summary. The subject of analysis in this paper is the basic discussion concepts related to the upcoming digitalization of criminal justice in Russia and, accordingly, the introduction of a «digital judge» notion into the national justice system. As a result, the main conflicts are offered for discussion, which can objectively arise during the implementation of the key vectors of the above-mentioned «reforms», as well as the real demand for and potential effectiveness of the discussed innovations.

Keywords: sources (forms of expression) of the law, the legal system, hierarchy of the law sources, unity of the legal space, legal certainty, supremacy of the law, judicial precedents as standards for enforcement of the law.

Ковтун Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России
kovtunnov@mail.ru

Юнусов Ахат Ахнафович

доктор юридических наук, доцент,
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского (федерального) университета
axatuk@rambler.ru

Туманов Дмитрий Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент,
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского (федерального) университета
dmitriy-tumanov@mail.ru

Аннотация. Предметом анализа в данной работе выступают основные концепты дискуссии, связанной с грядущей цифровизацией уголовного судопроизводства России и, соответственно, введением в национальное правосудие фигуры «цифрового судьи». В итоге, на обсуждение поставлены основные коллизии, которые объективно могут возникнуть при реализации основных векторов названных выше «реформ», а равно реальная востребованность и потенциальная эффективность обсуждаемых новаций.

Ключевые слова: источники (формы выражения) права, правовая система, иерархия источников права, единство правового пространства, правовая определенность, верховенство права, судебные прецеденты — как эталоны применения права.

Полагаем, нет актуальной потребности в обосновании исходного тезиса, суть которого заключается в том, что за последние годы цифровая реальность не только стремительно охватывает все стороны государственной и общественной жизни большинства государств, но и все более «подчиняет» их своей сути, содержанию, свойствам. Как следствие в целом объяснимо и то, что в рамках цифрового дискурса отраслевые доктрины в достаточной мере «поупражнялись», как в пояснении сути цифровой реальности, — глобального метаконтекста человеческого бытия, — так и в раскрытии содержания «эмерджентного интерфейса» или «эмерджентных технологий». Не осталась за рамками дискурса и актуальная в целом потребность в новой цифровой онтологии и медиаонтологии, а равно возможности цифровой эксклюзии или онтологические и праксеологические эффекты новой цифровой реальности [1, с. 42–50].

Все это весьма познавательно, однако не предмет внимания в данной работе, ибо наш интерес ограничен исключительно сутью цифрового дискурса в области

права; точнее — уголовно-процессуального права России. По идее, и здесь нет причин для тревоги, так как только за последние годы в наличии и масса достаточно интересных публикаций, в том числе монографического и диссертационного характера [2, с. 216; 3, с. 327], и нарастающий вал, перманентно актуализируемых научно-практических конференций различного уровня, определяющий предмет которых «цифровизация» [4, с. 500; 5]. Причем «цифровизация», как в целом стадий или отдельных производств уголовного судопроизводства России, так и надлежащей процессуальной формы (порядка) формирования и использования в процессуальном доказывании электронных доказательств.

Конвенционально разделяя востребованность и высокую значимость большинства из этих конференций, оставим без внимания эти моменты, ибо наш предмет — «электронное правосудие», к актуальности которого все более апеллирует доктрина российского уголовно-процессуального права. Апеллирует не только в контексте потребности в формировании «электронного

уголовного дела» или цифровизации большинства процедур при рассмотрении этого дела по существу (что актуально и реально востребовано), а именно по сути определяющей категории «правосудие». Именно в цифровой сути последнего, как максимально эффективной, подлинно беспристрастной, независимой деятельности «электронного судьи» по непосредственному исследованию доказательств и обстоятельств уголовного дела; процесса по разрешению по существу основного вопроса отправления правосудия (о виновности подсудимого и мере его ответственности), видят панацею и магистральный путь по качественному реформированию данного вида государственной деятельности.

По идее, все верно, востребовано, практически реализуемо; причем в обозримой временной перспективе. И у нас нет особых сомнений, как в реализуемости технической стороны проекта (относительно создания высокотехнологичного «корпуса цифровых судей»), так и в вопросе достаточных компетенций у лиц, призванных к подготовке и обслуживанию соответствующего программного обеспечения, способного к обработке и анализу всего массива нормативных правовых актов и наличествующей системы доказательств по делу. Нет сомнений и в способности указанных «IT-помощников» цифровых судей оперативно вносить в электронные программы актуальные новации нормативного плана или информацию о закономерностях нарабатываемого цифрового правосудия. Решается также проблема согласованности этих программ для непосредственных задач правосудия в суде первой, второй, кассационной инстанции. В итоге, казалось бы, дело за малым: в контексте очередной судебной реформы как можно скорее адаптировать сферу отправления национального правосудия к цифровой реальности, в рамках которой высокотехнологичный, беспристрастный, подлинно независимый, безошибочный «цифровой судья» будет *a priori* лишен таких рудиментов отправления правосудия как «телефонное право», ведомственный субъективизм, «корпоративные правила», коррупция (etc). И члены гражданского общества обретут, наконец, «...суд скорый, правый, милостивый и равный для всех».

Увы, при исходных условиях функционирования правовой системы российского государства, указанное не более чем мифологема, о которой должно (и будут) много говорить, дискутировать, но которая очень не скоро станет эффективной технологией правового обеспечения гражданского общества. Обозначим основные причины наших сомнений.

Во-первых, прежде чем апробировать программы актуального и высокотехнологичного электронного правосудия, надо, как минимум, (теоретически и практически) определиться в определенности системы российского права, согласованности системы его нормативных ис-

точников, их выверенной иерархии. Последнее, обязательно, ибо точность в иерархии форм выражения права вызвана исходной максимой: «*lex superior derogat legi inferiori*» — иерархически вышестоящая правовая норма отменяет действие нижестоящей. В итоге, обращаясь в ходе отправления правосудия к оценке нормативных правовых предписаний, «электронный судья» *a priori* не должен входить в обсуждение национальных, ведомственных, корпоративных и т. п. приоритетов относительно «нужного» доминирования того или иного правового источника. Во-вторых, фундаментальная идея правовой определенности требует единства национального правового пространства; единства правоприменения; правовой определенности итоговых (особенно, окончательных) актов суда, а не национально-самобытного правосудия, по сути, функционирующего по правилу «*ad hoc*».

Ни первой, ни второй составляющей в системе российского уголовно-процессуального права в принципе не наблюдается и естественно-закономерный либо искусно управляемый «хаос», по факту, определяет бытие этой отрасли права. Обратимся к «официальной» системе этой отрасли права, которая в законодательстве и российской доктрине традиционно представлена в виде диалектически взаимосвязанной и взаимосогласованной системы трех составных частей, трех источников права: (1) общепризнанные принципы и нормы международного права; (2) законы Российской Федерации; (3) подзаконные нормативные правовые акты. К каждой из этих подгрупп возникают вопросы.

К первой, прежде всего, закономерен вопрос: какие именно данные должны быть заложены в цифровое программное обеспечение и алгоритмы отправления электронного правосудия, при исходном условии, что ни законодатель, ни отраслевая доктрина в принципе не имеют четкого представления о перечне общепризнанных принципов и норм *jus cogens* [6]. Нет определенности и в вопросе способах включения этих явлений в механизм правового регулирования национального права.

Обратившись в свое время к трем десяткам учебников по курсу «Уголовно-процессуальное право» России [7, с. 104–109], только в двух мы смогли обнаружить более или менее осмысленную попытку раскрыть перечень названных принципов и общепризнанных норм [8, с. 511; 9, с. 1278]. В других, о данной форме выражения права нет даже намек. В позициях доктрины эта подгруппа источников также либо не признается как факт нормативной реальности, — ибо это не более чем «блэф XX века» [10, с. 148; 11, с. 57], — либо исследователи ясно отрицают приоритет этой формы выражения права над системой источников национальной подгруппы [12, с. 119; 13, с. 4].

В итоге, уже публично обсуждается тезис о том, что суть каждого подобного принципа, — как подлинно общепризнанного, — и их оптимальный перечень должны быть (властно) определены актами Конституционного Суда РФ [14, с. 39]. Указанный Суд, безусловно, «справится» с этой (не Бог весть какой) архисложной задачей. Вопрос в другом: насколько этот перечень станет императивом, как для Генеральной Ассамблеи ООН, так и в целом для объединенного мирового сообщества?

Между тем, у этих форм принципиально различны «место» в иерархической вертикали и механизм регулятивного воздействия на общественные отношения. Отсюда, закономерен вопрос: в ходе отправления правосудия «электронный судья», по букве ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, императивно воспримет и реализует доминантные предписания общепризнанных принципов и норм *jus cogens*, или примет «к сведению» (к внутренней убежденности) иерархические новации национальных актов федерального уровня и определенно «скептические» подходы доктрины права.

Аналогичные вопросы ставит и вторая подгруппа. Причем указанное касается и Конституции Российской Федерации, ибо доминирование этой формы выражения права над иными источниками национальной системы, со временем, стало предметом острейших дискуссий. Именно этот механизм, по идее, должен быть принят во внимание, как при формировании соответствующих программ электронного правосудия, так и непосредственно цифровым интеллектом, олицетворяющим судебную власть.

Власть, как известно, кардинально иначе решила эти проблемы, в принципе отказавшись от исполнения актов ЕСПЧ в национальной системе права [15, 16]; выйдя из органов Парламентской Ассамблеи Совета Европы и непосредственно из состава Европейского Суда по правам человека.

Причем, и над внутренней системой источников российского права, и над иными актами-доминантами над-системного уровня. Напомним и то, что в соответствии с новациями ФКЗ от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ итоговые акты конституционного правосудия актуализированы в качестве непререкаемого императива для судов общей юрисдикции, для национальных субъектов законодательной инициативы, для российского парламента. Цифровой суд, скорее всего, обязан принять это как данность, ибо ему вряд ли будет позволено «рассуждать», насколько указанное соответствует идее разделения ветвей государственной власти?

В наличии и проблемы определенности этой формы выражения права, ибо, система указанных актов явно объективирует отступление от идеи правовой опре-

деленности. Нередко, по одному и тому же предмету конституционной проверки в наличии акты с взаимоисключающими правовыми позициями [17] [17, с. 20–27]. При этом «действуют» и первые, и вторые; и те, и другие в равной юридической силе, ибо легального механизма их «согласованности» (для целей определенности) в наличии нет. Высокотехнологичному цифровому судье либо придется определяться с этим интересным явлением, либо применительно к каждому акту отправления правосудия должны быть соответствующие программы. Главное «не перепутать» файлы загрузки; хотя цифровая апелляция и кассация, скорее всего, все (как надо) «исправят». «IT-помощники» и «контролеры», надо полагать, останутся не цифровые, верно ориентированные.

Закрывают подгруппу акты кодифицированного характера и законы федерального уровня. С иерархией и определенностью здесь аналогичные сложности. Кроме того, цифровому судье надо инициативно оценивать: коллизия ситуация связана с «порядком производства по делу» или с иными моментами уголовного судопроизводства России, так как приоритеты доминирования в этих моментах, как указано, принципиально различны.

Конвенционально оставим без обсуждения систему коллизий, связанных с оценкой «доминирования» при цифровом правосудии нормативных правовых актов третьей подгруппы (Указы Президента Российской Федерации, Постановления Правительства РФ), ибо мы в принципе не склонны «гадать» по каким векторам будет запрограммировано в этом вопросе правосознание цифрового судьи. В том числе, с позиций наработанного доминирования таких сакральных источников национального права, как ведомственные приказы и инструкции. Рациональнее обратиться к обсуждению практической стороны отправления российского правосудия, опосредованного фундаментальными идеями верховенства права, правовой определенности, непротиворечивости итоговых актов суда, в силу которых суть и механизм этого правосудия изначально понятны субъектам правовых отношений. Понятен настолько, что его адаптация к условиям и новациям цифровой реальности, по идее, не должны являться серьезной проблемой.

Рассмотрим, как следствие, проблемы указанной адаптации; к примеру, в контексте официальных актов российского правосудия. Верховный Суд РФ «поправляя» закон, доктрину и практику, независимо от буквы закона (пока — не цифровой) формирует единое правовое пространство, отстаивая идеи верховенства права и правовой определенности итоговых актов суда, одновременно объективируя судебные акты (прецеденты — эталоны применения права) с взаимоисключающим правовыми позициями:

1) «...невозможность взыскания упущенной выгоды противоречит п. 1 ст. 1064, ст. 1069, п. 1 ст. 1070 ГК РФ и п. 1 ст. 133 УПК РФ, согласно которым возмещение вреда должно производиться в указанном случае в полном объеме, т. е. с возмещением убытков в виде упущенной выгоды» [18];

«упущенная выгода, о взыскании которой просил Т., к средствам (ст. 135 УПК РФ) или иным расходам не относится и не может рассматриваться в порядке уголовного судопроизводства. Согласно ст. 2 ГК РФ эти требования подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а в силу ст. 28 ГПК РФ они подлежат рассмотрению районным судом в порядке искового производства» [19];

2) решением апелляционного суда приговор суда первой инстанции отменен в части удовлетворения гражданского иска прокурора о взыскании с осужденного в пользу государства средств, затраченных на лечение потерпевших, со ссылкой на ч. 5 ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». По мнению суда, нормы УПК РФ не содержат возможности подобного рода взысканий в порядке уголовного судопроизводства [20];

взыскание судом в порядке уголовного судопроизводства средств, затраченных на лечение потерпевших, полностью соответствует нормам УПК РФ и положениям ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [21];

3) суммы, выплаченные за оказание юридической помощи, подлежат возмещению реабилитированному в полном объеме вне зависимости от сложности и объема уголовного дела, количества адвокатов и фактически затраченного ими времени на защиту, а также от имевшейся у обвиняемого возможности ходатайствовать о назначении ему защитника с оплатой за счет средств федерального бюджета [22];

на основе критериев разумности и справедливости снижена сумма документально подтвержденных расходов реабилитированного К. на оказание квалифицированной юридической помощи с 34 млн рублей до 2 млн 266 тысяч рублей [23];

4) в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015) указано: «...в соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ осмотр места происшествия – жилища производится с согласия проживающих в нём лиц. ...Положения п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 165, ст. 176, 177 УПК РФ не предусматривают необходимость получения судебного решения на производство осмотра места происшествия в жилище при наличии согласия на осмотр жилища проживающих в нём лиц [24].

реагируя на жалобу адвоката [25], Верховный Суд РФ, напротив, искусственно разграничивает осмотр места происшествия и осмотр в жилище, когда утверждает, что в последнем случае действуют нормы, регулирующие осмотр места происшествия. В соответствии с этим субъекту предварительного расследования не нужно получать согласие проживающих лиц или судебное решение на производство осмотра места происшествия в жилище. В итоге, доказательства судом признаны допустимыми [26, 27].

Среди причин этих «прецедентов», — эталонов применения права, — не столько некомпетентность кадровой составляющей судейского корпуса России, сколько включенность (беспристрастного, независимого, объективного) суда в общее дело «борьбы с преступностью». Как следствие, критические апелляции к указанной практике (по сути, к «двойным стандартам» в отправлении правосудия) легко парируются тезисом о том, что суд просто не может вынести иного решения; не может, ибо по итогам отправления правосудия «...суд видит», что подсудимый виновен. Видит, одновременно как-то «не замечая» несостоявшуюся презумпцию невиновности обвиняемого. Видит: ибо суть отлаженный элемент единой (управляемой) вертикали власти, а не орган ограничения государства, как наивно мечталось. Отсюда и неудобные вопросы относительно сути, широко декларируемого объективного и высокотехнологичного «цифрового судьи»: программы грядущего цифрового правосудия будут написаны по тем же интересным лекалам, теми же (верно ориентированными) специалистами? Или свершится невиданное и гражданскому обществу будет явлен подлинно суд — независимый, беспристрастный, объективный в оценках и итоговых актах. Суд, отвергающий любое вмешательство в обеспечение «святая святых» — Правды и Справедливости. По факту, хотелось бы, явно последнего, но в подсознании отчего-то постоянным рефреном известное, из К.С. Станиславского...

ЛИТЕРАТУРА

1. Гримов О.А. Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 3. С. 42–50. 42 DOI: 10.12737/article_5dbaa8bf81fe27.51109106
2. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / под ред. С.В. Зуева, Д.В. Бахтеева. М.: Издательство Юрлитинформ, 2022. С. 216.
3. Электронное правосудие: монография / Е.В. Бурдина [и др.]; под ред. Е.В. Бурдиной; С.В. Зуева. М.: РГУП, 2021. С. 327.
4. Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации //XIX Международная научно-практическая конференция «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае», посвященная памяти Вениамина Константиновича Гавло. — Вып. XVII /отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. 500 с. // URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b1/sbornik_Altay_2021.pdf.
5. Вторая всероссийская научно-практическая конференция «Технологии XXI века в юриспруденции» (21 мая 2021 г., Екатеринбург) // Сайт МАСП: URL: <http://www.iuaj.net/node/2958>
6. Общепризнанные принципы и нормы *jus cogens*: суть акты, принятые, сформированные или одобренные большинством стран мирового сообщества. Как следствие, органом, их формирующим, должна быть признана исключительно Генеральная Ассамблея ООН.
7. Ковтун Н.Н. Плеяда пяти немерцающих звезд-доминант или система российского уголовно-процессуального права в поисках доминанты и внутренней согласованности // Уголовное судопроизводство в 3 т. Том 1 /Н. А. Колоколов [и др.] ; под редакцией Н. А. Колоколова. — 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. С. 104–109.
8. Уголовный процесс: учебник для бакалавров под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. — М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 511. — Серия: Бакалавр. Базовый курс.
9. Курс уголовного процесса /Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. М.: «Статут» 2016. С. 1278.
10. Томин В.Т. «Права и свободы человека» — большой блеф XX века. (Уголовный процесс России: аспекты взаимодействия с международным правом). Омск, 2004. С. 148.
11. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. Под ред. К.Ф. Гуценко. Изд. 5-е, пер. и доп. М., 2004. С. 57.
12. Даниленко Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда //Государство и право. 1995. № 11. 119 с.
13. Божьев В.П. Источники уголовно-процессуального права. М., 1994. С. 4.
14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации /Отв. ред. Ю.К. Якимович. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2007. С. 39.
15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ. // ИПС «ГАРАНТ».
16. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ и др. // ИПС «ГАРАНТ».
17. Ковтун Н.Н. Суды *feta* // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 20–27.
18. Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 05.04.2004 № ГКПИ03–1383, которым были признаны частично недействующими пункты 7 и 10 Инструкции по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органа дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного Минюстом СССР, прокуратурой СССР, Минфином СССР 02.03.1982: Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2004 №КАС04–203. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2025).
19. Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2010 № 67–О10–57 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2025)
20. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.02.2016 №5-АПУ15-114СП // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_457230/
21. Апелляционное определение Верховного Суда РФ 13.09.2016 №3-АПУ16-8 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475249/ (дата обращения: 11.02.2025).
22. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.01.2013 № 89-О13-2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2024).
23. В «обоснование» суд привел (субъективно интерпретированные) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, так и (на данный момент еще «действующие» — Н.К.) нормы ЕСПЧ. См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 07.08.2013 №10-7214/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2024).
24. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.01.2025).
25. В апелляционной жалобе адвокат требовал признать осмотр квартиры как места происшествия незаконным в связи с нарушением норм УПК РФ, поскольку осмотр проводился в присутствии подзащитного, но без его письменного согласия и без дальнейшего процесса судебной проверки в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.
26. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.10.2018 № 50-АПУ18-13// СПС «КонсультантПлюс».
27. Апелляционное определение от 6 декабря 2018 г. № 47-АПУ 18-11// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.01.2025).

© Ковтун Николай Николаевич (kovtunnno@mail.ru); Юнусов Ахат Ахнафович (axatuk@rambler.ru);

Туманов Дмитрий Юрьевич (dmitriy-tumanov@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»